

Протоиерей Игорь Прекуп

Формирование этических понятий на основе чтения святоотеческой и житийной литературы

См.: Библиотекосведение. – 2007. - №2. – С. 72 – 75.

Исторические реалии

В советскую эпоху до начала 90-х гг. прошлого века рассматриваемая нами проблема была актуальна лишь в узком кругу лиц, имевших доступ к духовной литературе. Следует уточнить: этот круг был чрезвычайно узок даже относительно малочисленного в то время количества «практикующих» верующих, большинство которых не то, что святоотеческую литературу не читало, но и Священного Писания в руках не держало. Реалии были таковы, что в духовные семинарии еще в 80-е гг. порой поступали люди даже строчки из Библии никогда не прочитавшие.

В начале 90-х ситуация начинает радикально меняться: на церковных прилавках, а затем и в светских магазинах и библиотеках кроме Священного Писания (которого в доперестроечную эпоху и в храмах-то было не приобрести) появляются книги религиозного содержания. «Первые ласточки», как правило, были репринтными копиями дореволюционных или зарубежных изданий популярной духовно-просветительной и назидательной литературы.

Спрос на заполнение духовного вакуума породил предложение, процесс которого вышел из под контроля высшего руководства РПЦ на самом начальном этапе, когда издательской деятельностью, наряду с соответствующим отделом Московской Патриархии и духовными учебными заведениями РПЦ, занялись монастыри, приходы и даже отдельные энтузиасты (тиражировавшие в брошюрах свои порой небезупречные с точки зрения богословской и гуманитарной образованности взгляды), а то и просто политические авантюристы и провокаторы.

Формат данной статьи позволяет нам только вскользь упомянуть, не вдаваясь в подробности, и о таком аспекте заявленной проблемы, как заполнение светских библиотечных стеллажей и книжных прилавков оккультной и псевдорелигиозной литературой, зачастую мимикрирующей под православную традицию. Оставаясь в рамках заявленной темы, мы ограничимся лишь областью святоотеческой и житийной литературы, доступной на сегодняшний день самому широкому кругу читателей, особенно в наиболее крупных городах постсоветского пространства.

Проблема дискурсивной адекватности

Согласно утверждению Е.В. Сергеевой, «дискурс нужно рассматривать именно с точки зрения представленной в „особой социальной данности“ вербально выраженной ментальности, мировосприятия, создающего „особый мир“» [6, с. 15]. «Люди как существа, способные к мышлению, рассуждению и рефлексии (рефлексивности), – пишет Э. Монтефиоре, – обнаруживают себя по мере того, как они постепенно приходят к осознанию себя как *ipso facto* находящихся в пункте сложного переплетения партикулярного и универсального. Говорить – или даже думать – осмысленно (термин «осмысленно» здесь на самом деле излишен) значит, хотя бы имплицитно, помещать себя как конкретного участника в мир дискурса» [4, с. 140 – 141].

Наиболее дискурсивно-адекватна апперцепция¹ современной популярной литературы, авторы которой талантливо осмысливают и адекватно интерпретируют сущность христианского мировоззрения и нормы благочестия, поскольку читатель целенаправленно вводится ими в дискурс. А святоотеческая и житийная литература? Насколько в состоянии «рядовой» читатель «поместить себя как конкретного участника в мир дискурса» свт. Иоанна Златоуста или свт. Димитрия Ростовского? Ему даже в дискурс начала XX в. себя не поместить, чтобы понять, что происходило тогда, в чем состоял

¹ Перцепция и апперцепция – два разных психических акта: перцепция – восприятие пассивное, смутное и бессознательное, апперцепция – восприятие, обусловленное самосознанием, активное, внимательное, ясное, отчетливое и осмысленное.

подвиг исповедничества, что побуждало к решительным поступкам, порождало конфликты, расколы (мотивы внешне похожих действий со стороны ревнителей веры и благочестия с одной стороны и авантюристов – с другой); что побуждало идти на компромисс мучеников и исповедников, а что – отступников (и в чем состояли компромиссы тех и других); в чем поведение новомучеников является достойным подражания, основанием для канонизации, а в чем, в какой-то момент – проявлением собственно человеческого (специфики воспитания, издержек влияния стереотипов мышления и т.д.). Даже эта сравнительно близкая по времени эпоха нуждается в герменевтике, чего уж говорить о более отдаленных временах и специфических укладах жизни? Много ли православной литературы издается с учетом необходимости плавно вводить читателя в дискурс Священного Предания? Почти нет, словно воспитанный в реалиях нашего времени человек может окунуться, как в родную стихию, в дискурс, например, девятнадцативечного религиозного сознания.

Не может; и мы сталкиваемся с проблемой ущербности перцепции огромного информационного поля: читатель воспринимает информацию лишь поверхностно, многое из прочитанного осмысливая в категориях привычного ему дискурса, что и является неадекватной апперцепцией содержания.

А потому, когда в начале 90-х жаждущая духовной пищи масса бросилась читать все подряд (зачастую перемешивая православную литературу с эзотерикой), стихийно возник спрос на описанное в патериках духовное окормление. На что не замедлило отозваться предложением, расцветшее буйным цветом *младостарчество* – с его претензией на духовное руководство по типу старчества, но без соответствующих дарований, образующее в православной среде феномен «внутрицерковного сектантства».

«Техника духовной безопасности»

Этот нынче распространенный в православной миссионерской среде термин был неизвестен в традиционно-православном обществе дореволюционной России, но меры духовной безопасности были отработаны поколениями. И проявлялись они в том числе в неписанной норме не проявлять самочиния в изучении религиозной литературы, но читать с благословения духовника. Или не читать, если благословения на конкретную книгу не будет дано. Очень важно понять, что дело тут не в мракобесии, препятствующем свободному духовному и интеллектуальному развитию, а в заботе об адекватной апперцепции содержания.

Один из самых крупных церковных писателей, свт. Игнатий Брянчанинов в книге «Приношение современному монашеству» предостерегает от бессистемного чтения духовной литературы, советуя для начала ограничиться внимательным изучением Нового Завета (текст и святоотеческие толкования). Причем изучение состоит еще и в жизни по заповедям, в процессе которой возникают проблемные ситуации морального выбора, побуждающие увидеть новые аспекты христианской нравственности и глубже усвоить содержащиеся в изучаемом тексте этические понятия. И только тогда, «положив себе за правило жизни учение и исполнение евангельских заповедей, без увлечения направлениями, доставляемыми разными сочинениями святых Отцов, можно начать чтение их для ближайшего и точнейшего ознакомления с монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом» [1, с. 51]. Далее свт. Игнатий советует «соблюдать постепенность», предлагая перечень святоотеческих трудов для чтения на первом этапе: в первую очередь – это «Поучения» прп. аввы Дорофея, «Оглашения» прп. Феодора Студита, «Руководство» прпп. Варсонофия Великого и Иоанна Пророка (причем лишь с 216 ответа, поскольку предшествующие даны более для затворников) и др. И только потом, «по прошествии значительного времени» [1, с. 51] свт. Игнатий допускает чтение книг, написанных для безмолвников: «Добротолубие» и др. (Если учесть, что все

эти ограничения относятся к монахам, тем более, закономерен вопрос о необходимости выработать перечень поэтапного чтения для мирян.)

Для формирования добродетелей важна постепенность. Нарушение этой постепенности чревато нарушением и разрушением духовной жизни. Прп. Иоанн Лествичник предостерегает от стремления к несвойственным на определенном этапе добродетелям, как о дьявольском искушении, который учит новоначальных преждевременно устремляться к высшим добродетелям, чтобы они «не получили их и в свое время» [2, с. 56].

Единство в многообразии святоотеческого наследия

Неадекватная апперцепция многообразия святоотеческого наследия гарантирована, если рассматривать мнения Отцов в их противопоставлении. Нельзя забывать, что это не просто многообразие, а «единство в многообразии». Святоотеческая традиция «есть как бы „лес“, цветущий и зеленеющий многоликостью своих деревьев. Необходимо (хотя это и трудно) объять взором и всю совокупность этого „леса“, и удивительную неповторимость и уникальность каждого дерева, – тогда святоотеческое Предание предстанет пред нами во всей своей целокупности» [7, с. 31].

Разногласием мнений Отцы лишь дополняют друг друга. «Когда слышу стройный многочисленный хор, – пишет свт. Игнатий Брянчанинов, – в котором различные голоса в изящной гармонии поют единую песнь Божественную, тогда говорю себе: таковы писания Отцов» [1, с. 558]. Единство, замечаемое нами в святоотеческом наследии, не является мнимым, и отдельные уклонения не вносят диссонанса. Они *единую* песнь поют не только *различными* голосами, но и *на разные* голоса, а не в унисон; они – *разные* суда, но плывут в *одном* направлении, которым и определяется единство в главном, даже если есть частные разномыслия или заблуждения.

Св. Викентий Лиринский, выдвигая в *Commonitorium*-е в качестве критерия истинности учения принцип согласия Отцов (*consensus patrum*), пишет, что если мы последуем трем принципам – *всеобщности, древности, согласию* (*universitas, antiquitas, consensio*), то сможем сохранить то, чему «верили *повсюду, всегда, все*» (*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*), что представляет собой «строго-церковный, руководящий принцип и вместе православно-богословский научный критерий» [10, с. 59] Священного Предания. Причем критерий не для какой-нибудь отдельной части Предания, но для всего объема и содержания православного религиозно-догматического учения.

Игнорирование этого критерия приводит к дискурсивной неадекватности, по причине которой читатель выхватывает отдельные святоотеческие высказывания или житийные эпизоды из контекста, выстраивая свою собственную концепцию на основе искаженной апперцепции прочитанного материала.

Формирование этических понятий на базе патристических² и агиографических³ концептов

По В.В. Колесову «понятие есть приближение к концепту, это явленность концепта в виде одной из его содержательных форм» [3, с. 20]. «Концепт – не понятие, а сущность понятия, смысл, не обретший формы. <...> ...Это сущность, в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе. <...> Своего рода росток первообраза, первосмысл, то, что способно прорасти и словом, и мыслью, и делом» [3, с. 19].

В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, но и переживаются, являются предметами симпатий и антипатий, а зачастую и столкновений. Концепт, в трактовке Ю.С. Степанова – это как бы сгусток культуры, входящий в сознание человека, и

² **Патристика** и **патрология** – на практике зачастую взаимозаменяемые термины, однако, в отличие от **патрологии**, изучающей жизнь, творения и богословие Отцов и Учителей Церкви, **патристика** – «систематическое изложение заимствованных из отеческих творений доказательств, которые служат для исторического обоснования христианских истин» (Н. Сагарда).

³ Агиография – жизнеописания святых, житийная литература.

одновременно то, посредством чего человек входит в культуру и влияет на нее. «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [8, с. 43].

Ю.С. Степанов рассматривает концепт как трехслойное эволюционирующее культурно-семантическое явление, состоящее из 1) основного – актуального признака, 2) дополнительного (дополнительных) – неактуального, «исторического», 3) буквального – почти совершенно неактуального – внутренней формы. «Активным» является слой, обладающий наибольшей распространенностью в массовом сознании, хотя бы образующие его признаки и не отражали сути явления, которая охватывается двумя «пассивными» слоями – историческим и этимологическим (буквальным). Последний обладает крайне низкой степенью актуальности, охватывая немногочисленный круг исследователей [8, с. 45 – 58].

Формирование этических понятий предполагает актуализацию третьего (предельно пассивного) слоя, смыслом которого обогащенный, второй слой преобразил бы первый.

Следует особо отметить, что применительно к изучению религиозной литературы, будь то при чтении церковно-исторических исследований или патристической и агиографической литературы, этимологический слой следует рассматривать не только и не столько в контексте языка, на котором читается книга, сколько «родного» языка самого концепта – того, в системе которого он зародился, сформировался⁴.

В процессе последовательного, «постепенного» чтения в святоотеческом и житийном литературном наследии *выявляется* православно-христианская этическая теория, которая осмысливается и систематизируется *соответственно своей внутренней логике*. Последнее особо важно, поскольку формирование понятий происходит в процессе установления связей, отношений между ними. Раздробленное восприятие этических понятий при отсутствии системообразующих связей или их случайности не способно

⁴ Рассматривая, например, в качестве *буквального слоя* концепта «мученичество» *понятие* мученичества за веру Христову, надлежит исследовать не столько этимологию русского слова «мученик», сколько греческого слова «*μάρτυς*», которое переводится как «свидетель» и отражает сущность понятия в изначальной концепции мученичества как удостоверения истинности исповедуемой веры, ее *свидетельствования* не только словом, но и поведением, последовательно из нее вытекающим.

сформировать адекватную систему нравственных убеждений, поскольку вне системы никакие понятия не усваиваются и не развиваются.

Примеры смещения понятий вследствие дискурсивно-неадекватной апперцепции святоотеческого и житийного наследия

Христианские понятия, изъятые из родной дискурсивной среды, искусственно помещенные в дискурс чуждый и именно в нем рассматриваемые, неизбежно искажаются. Так же и привносимые в христианский дискурс чуждые понятия и концепты, искажают его, деформируя церковное сознание.

Века поэтапной секуляризации общественного сознания, особенно недавняя эпоха воинствующего атеизма, оказали существенное влияние и на мышление религиозных людей. Например, еще век назад, если православные христиане заявляли, что чем-то или кем-то гордятся, то говорили это, обычно, не иначе, как в покаянном контексте. Сегодня же это понятие даже в словоупотреблении религиозных людей пропитано положительными коннотатами: *гордятся* принадлежностью к народу или обществу, испытывают *гордость* от оказанной чести, храм называют *гордостью* города и пр. Налицо искажение сознания из-за внедрения в христианский дискурс нехристианского по своей сущности концепта, неразборчиво заимствованного из чуждого дискурса, вследствие чего не концепт воцерковляется, а церковное сознание обмирщается.

Другой пример – концепт «героизм». Если рассматривать его по трехслойной схеме Ю.С. Степанова, то в качестве активного слоя выступает нравственное представление о сочетании отваги, самопожертвования, посвященности какому-то делу; об особых заслугах перед Отечеством и человечеством в целом⁵; о статусе, завоеванном через преодоление огромных трудностей, опасностей, что в итоге свидетельствуется

⁵ Впрочем, современное обыденное сознание не рассматривает заслуги перед Отечеством или человечеством как необходимый признак героизма. Героем толпы может стать любая успешная личность, приобретающая влияние или известность: звезда шоу-бизнеса, криминальный «авторитет» и т.д., как олицетворяющие «особо важные аспекты ценностей той или иной культуры».

награждением и приносит немеркнущую славу. Сам же герой, на примере которого воспитываются поколения – это «мистическая или реальная личность, символизирующая своей прошлой или настоящей социальной ролью или поступками особо важные аспекты ценностей той или иной культуры» (Глоссарий.ру).

Другие два слоя, исторический и буквальный, являются пассивными в силу своей малоизвестности. Но именно там следует искать суть явления. Исторический слой обнаруживает в гомеровском эпосе существенную черту героизма – гордость и жажду славы, как способа обессмертить себя. Доброе имя, сохраняющееся в памяти потомков – важнейший мотив самопожертвования для героя. Позор, опороченное имя – самое страшное зло, обесмысливающее подвиг.

Откуда эта жажда славы, стремление быть признанным в кругу храбрецов? – От страстной любви к земной жизни – такой короткой и зыбкой, особенно для воина. Парадоксально, и все же ею-то они готовы пожертвовать ради высших нравственных ценностей... чтобы продлить ее – в памяти поколений. Вот этот агонистический дух (*αγων* – состязание) является существенным свойством героического сознания, целиком ориентированного на земную жизнь и земную же славу.

В основе героизма – любовь к жизни земной, но не низменное животное стремление к выживанию, которое в итоге сводится к малодушно-обреченному оттягиванию неизбежного конца, а трезвое отношение к этой неизбежности и, мы бы сказали, *прагматичный* подход к решению коллизии конечности жизни и стремления ее продлить: вместо малодушного растягивания существования, прожить жизнь пусть коротко, но достойно – так, чтобы она *продолжилась на земле* в памяти потомков. *Героизм – это компенсация физической смертности мнемоническим⁶ бессмертием.*

Третий, глубинный – этимологический слой отправляет нас к мифологии, согласно которой герой (*ηρως*) – «сын или потомок божества и смертного человека. У Гомера

⁶ *Μνημονευω* – помнить, вспоминать от *μνημη* – память (как способность души), воспоминание.

героем обычно именуется отважный воин (в «Илиаде») или благородный человек, имеющий славных предков (в «Одиссее»). Впервые Гесиод называет «род героев», созданный Зевсом, «полубогами» (**ἥμιθεοι**, Орр. 158 – 160). В словаре Гесихия Александрийского (6 в.) понятие героя разъясняется как «мощный, сильный, благородный, значительный» (Hesych. V. **ἥρως**). Современные этимологи дают различные толкования этого слова, выделяя, впрочем, функцию защиты, покровительства (корень *swer-, *wer-, ср. лат. servare, «оберегать», «спасать»), а также сближая с именем богини *Геры – Нра*» [9, с. 294].

Платон устами Сократа усматривал этимологию слова **ἥρως** в имени бога Эрота, потому что герои «произошли либо от бога, влюбленного в смертную, либо от смертного и богини» [5, с. 631], а так же в глаголе «говорить» (**εἰπεῖν**) поскольку герои были «мудрецами и искусными риторамы, а к тому же еще и диалектиками, умевшими ловко ставить вопросы» [5, с. 631].

Таким образом, рассматривая концепт «героизм» в его родном дискурсе, мы получаем адекватное представление о его содержании, и обретаем ясный критерий, чтобы никогда не путать героизм со святостью⁷, а героика с агиографией.

В нашей стране поколения воспитывались именно в парадигме героической аксиологии, а потому, во избежание синкретизма, следует быть осмотрительными и не предпринимать попыток ассимиляции героизма христианским сознанием. Можно восхищаться героизмом, уважать его, но *«воцерковить» героика невозможно по причине ментальной чуждости самого концепта героизма христианской духовности*. Будучи помещен в христианский дискурс, он не только не изменяет своей сущности, но еще пагубно влияет на формирование христианского сознания, в частности, на его системные межпонятийные связи. Заполняя понятие святости своим несвятым содержанием, облакаясь в это имя или довольствуясь мнимой синонимичностью, концепт героизма в

⁷ 1) Свойство присущее по природе одному лишь Богу, как трансцендентному по отношению к миру; 2) в аспекте сотворенного Им мира – посвященное Ему, выделенное и воспринятое Им, «взятое в удел»: обоженность пространства, субстанции, времени, самой жизни и т.д.

наше время все более настойчиво претендует на честь, подобающую одной лишь святости⁸.

Заключение

Исходя из того, что было сказано выше о пагубности неадекватной апперцепции святоотеческой и житийной литературы, следует, наряду с констатацией в обществе *спроса* на нее, признать и необходимость разумного регулирования ее *предложения* в условиях светской библиотеки, в которой среди книг, отвечающих многообразию интересов современного общества, встречаются святоотеческие творения и жития святых.

В условиях библиотеки можно максимально продуктивным образом регулировать процесс приобщения к этой области знания, для чего требуется разработать концепцию, определяющую стратегию комплектации библиотек литературой этой категории, ее систематизацию, а также методологию введения заинтересованного читателя в православный дискурс. Как сама концепция, так и методология должны быть разработаны совместными усилиями специалистов в области библиотековедения и патрологии.

Разумеется, регулирование процесса приобщения к рассматриваемой части православного духовного наследия может носить только рекомендательный характер. Но читатель, заинтересованный в компетентном руководстве, должен иметь возможность получить его. Для этого в рамках разработки вышеупомянутой методологии должна проводиться не только классификация литературы, но и типологизация читателя. На основании, например, сданного теста читатель мог бы получить своего рода «катеорию доступа»: перечень рекомендуемой на данном этапе литературы (в том числе и отсутствующей в конкретной библиотеке, но имеющейся в других) и консультацию, с чего начать и чему уделить приоритетное внимание, а что из интересующего материала следует пока отложить ради пользы дела.

⁸ В русле этого концептуально искаженного сознания и продавливаются на канонизацию как поистине героические личности типа Александра Суворова, так и одиозные вроде Ивана Грозного и Григория Распутина.

Библиография

1. Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 1. – М.: Донской монастырь; Правило веры, 1993.
2. Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. – Изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1991.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
4. Монтефиоре Э. Личная тождественность, культурная тождественность и моральное рассуждение // Мораль и рациональность. – М.: ИФРАН, 1995. С. 136 – 158.
5. Платон. Кратил // Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. – М.: Мысль, 1999. С. 613 – 681.
6. Сергеева Е.В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. – СПб.: Наука, САГА, 2002.
7. Сидоров А. Сущность соборного сознания в древнецерковной письменности: единство в многообразии // Патристика: новые переводы, статьи. – Нижний Новгород, 2001. С. 7 – 31.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001.
9. Тахо-Годи А.А. Герой // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. Т. 1. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 294 – 297.
10. Филевский И., свящ. Учение св. Викентия Лиринского о Священном Предании и его значении. – СПб., 1897.